

Д.В. Двуречинский

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СДЕЛОК
НА ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ
И СОГЛАШЕНИЯ

теоретические проблемы

СТАТУТ
МОСКВА 2025

УДК 347.132 + 347.9
ББК 67.404.04 + 67.410.1
Д25

Рецензенты:

Шеменева Ольга Николаевна – д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»;

Карпова Анастасия Алексеевна – канд. юрид. наук., преподаватель кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Двуречинский, Даниил Витальевич.

Д25 Влияние института гражданско-правовых сделок на процессуальные действия и соглашения : теоретические проблемы / Д. В. Двуречинский. – Москва : Статут, 2025. – 158 с.

ISBN 978-5-8354-2069-8 (в обл.)

Настоящая монография посвящена исследованию теории процессуальных действий и соглашений во взаимосвязи с цивилистическим учением о сделках. Работа нацелена на выявление, рассмотрение и анализ точек соприкосновения между существующей теорией процессуальных действий и доктриной гражданско-правовых сделок.

В монографии исследуются понятие и признаки процессуальных действий, рассматриваются и дополняются классификации процессуальных действий, анализируются процессуальные действия и соглашения, обладающие межотраслевыми свойствами (преобразовательные иски и конститутивные решения, процессуальные возражения, судебные признания, мировые соглашения). На основе базовых начал института гражданско-правовых сделок в монографии анализируется проблематика условных процессуальных действий и соглашений на примере осложненных мировых соглашений, условных соглашений по фактическим обстоятельствам, отказа от иска и признания иска, совершенных под условием. Исследуются понятие и признаки конклюдентных процессуальных действий, рассматривается правовой феномен конклюдентного процессуального бездействия. По аналогии с учением о гражданско-правовых сделках в работе анализируется значение воли и волеизъявления в процессуальных действиях и соглашениях. Рассматривается проблематика опровержения утвержденного судом мирового соглашения по отдельным основаниям его недействительности.

Данное издание предназначено для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов, практикующих юристов, а также актуально для правотворческой и правоприменительной деятельности.

Законодательство и электронные ресурсы приведены по состоянию на 30 ноября 2024 г.

УДК 347.132 + 347.9
ББК 67.404.04 + 67.410.1

ISBN 978-5-8354-2069-8

© Двуречинский Д.В., 2025

© Предисловие. Абушенко Д.Б., 2025

© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

В российской и советской процессуальной науке институтам процессуальных действий и процессуальных соглашений традиционно уделялось достаточно пристальное внимание. Всем известны работы дореволюционных процессуалистов – Е.В. Васьковского, А.Х. Гольмстена, Е.А. Нефедьева, И.В. Энгельмана, Т.М. Яблочкова. В советский период бурная научная полемика о природе процессуальных действий и процессуальных соглашений не стихала благодаря исследованиям, в частности, таких авторов, как Р.Е. Гукасян, М.А. Гурвич, Н.Б. Зейдер, А.Ф. Клейнман, В.П. Мозолин, Н.А. Чечина, Д.М. Чечот, В.Н. Щеголов, К.С. Юдельсон. В то же время работы, которые связали бы весьма разработанную отечественную доктрину гражданско-правовых сделок с теорией процессуальных действий и процессуальных соглашений, практически отсутствуют. И это довольно странно: рассматриваемые явления во многом схожи, а их разная отраслевая принадлежность, конечно, не является препятствием для сравнительно-правового анализа, и в конечном счете для обогащения процессуальной науки. С этих позиций исследование институтов процессуальных действий и процессуальных соглашений именно в контексте сравнительном, в контексте, предполагающем глубокое аналитическое сравнение с институтом сделок, представляется весьма перспективным.

И действительно, здесь для автора открывается настоящее исследовательское море. Скажем, отдельных размышлений требует применимость цивилистических понятий воли и волеизъявления в отношении процессуальных действий и соглашений, ибо совершенно очевидно, что и в судебной процедуре допускаемые волевые акты могут сопровождаться пороками воли или волеизъявления. Необходимо разобраться с принципиальной допустимостью конклюдентных процессуальных действий – внешне вроде бы (с учетом требований процессуальной формы) есть сомнения в том, должен ли существовать данный правовой феномен, но в практике такие действия встречаются и суды довольно часто обосновывают конкретные процессуально-правовые выводы ссылками именно на конклюдентные процессуальные действия. Видимо, настала пора пересмотреть существующее в отечественной процессуальной доктрине представление о недопустимости условных судебных актов (скажем даже более широко – основываясь на теории условных сделок, можно было бы не только поразмышлять об условных судебных решениях, но и об условных процессуальных действиях и соглашениях

иных, помимо суда, субъектов арбитражного и гражданского процесса). Еще больше поводов к обсуждению проблематики автономного оспаривания сделки, составляющей содержание утвержденного судом мирового соглашения (при допустимости такого оспаривания, само собой, встает отдельный вопрос о соотношении с процедурой обжалования итогового судебного акта, которым мировое соглашение утверждено). Можно поставить и более общие вопросы. Например, могут ли процессуальные действия (бездействия) быть предметом гражданско-правовой сделки? Допустимо ли выделение специфических материально-правовых последствий совершения отдельных процессуальных действий (бездействия)? Способно ли обогатить процессуальную науку известное в цивилистике разделение обязательственной и распорядительной сделки? Понятно, что это только малая толика тех исследовательских задач, которые можно было бы поставить в рамках общего сравнительного исследования процессуальных действий и процессуальных соглашений с институтом гражданско-правовых сделок.

По понятным причинам автор настоящей монографии высказался далеко не по всем из указанных выше вопросов. Более того, некоторые из его суждений носят довольно дискуссионный характер. И тем не менее считаю, что предлагаемая читателю работа будет полезна как классическим кабинетным ученым, так и тем, кто сталкивается с подобными пограничными проблемами в реальных судебных баталиях. Вполне возможно, что отдельные вопросы заинтересуют и тех, кто мучительно думает над темой диссертационного исследования (довольно странно, но до сих пор крайне мало аспирантов и соискателей обращаются к межотраслевым исследованиям). Наконец, совсем юное поколение — поколение студентов и магистрантов, прочитав монографию, увидит, что правовая действительность не ограничивается классическими институтами, которые изучаются в вузе в рамках отраслевых дисциплин, и что самое интересное начинается именно тогда, когда гражданско-правовая материя соприкасается с материей процессуальной.

*доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского процесса
УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева
Д.Б. Абушенко*

ВВЕДЕНИЕ

Е. В. Васьковский в начале XIX в. обратил внимание на тенденцию к освобождению теории процесса от влияния цивилистических воззрений. Он писал: «Некоторые процессуалисты уже прямо и решительно заявляют, что процессуальная теория должна сбросить с себя оковы цивилистики, стать на собственные ноги и строить процессуальные понятия самостоятельно, на чисто процессуальном фундаменте»¹. Постепенно концепция отраслевой «обособленности», перенесенная в отечественную правовую традицию из германской юридической теории², возобладала в российской процессуальной науке. Это дало толчок к стремительному развитию процессуального права в целом и его отдельных институтов. Появилось множество самостоятельных исследований, посвященных сугубо процессуальной проблематике. Вместе с тем очевидно, что замкнутость и изолированность любой правовой отрасли не может способствовать ее гармоничному развитию. Зачастую именно взаимодействие, сопоставление и имплементация разноотраслевых правовых институтов и норм выступают основой такого развития.

Настоящая работа посвящена нетипичной области взаимовлияния процессуального и материального права. На первый взгляд может показаться, что в основу исследования положены весьма отдаленные правовые институты: гражданско-правовые сделки и процессуальные действия. Безусловно, эти категории относятся к предметному полю разных отраслей российского права. В то же время нельзя отрицать, что процессуальное право имеет генетическую связь с правом материальным: «...одно без другого не имело бы смысла, одно служит необходимым условием существования и действия другого», — подчеркивал М. А. Гурвич³. Неотъемлемую основу динамики как материальных, так и процессуальных правоотношений составляют юридические факты. В частной сфере ведущее место в системе юридических фактов

---

¹ *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 31.

² Подробнее о «дискурсе демаркации» в контексте разграничения материального частного права и права на его принудительное осуществление (право на иск, право на защиту) см.: *Третьяков С. В.* Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 421–446.

³ *Гурвич М. А.* Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия: избранные труды: в 2 т. Т. 2. Краснодар, 2006. С. 52–53.

занимают гражданско-правовые сделки. Движение процессуальных правоотношений опосредуют процессуальные действия. Сделки и процессуальные действия — явления разные, но это, однако, не может исключать их рассмотрение в сопоставительном аспекте. Именно межотраслевой контекст, предполагающий осмысление теории процессуальных действий через призму базовых категорий и законодательных механизмов гражданского права, позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, устоявшиеся процессуальные институты.

Многие процессуальные действия совершенно гармонично допускают наличие в своем процессуальном содержании тех или иных частноправовых конструкций. Отдельные элементы правового института сделок (соотношение воли и волеизъявления, условные модели, конклюдентные действия и бездействие, проблематика недействительности и пр.) в данном случае не подлежат прямой рецепции, но являются отправной точкой, концептуальной базой для дальнейшего усовершенствования существующих процессуальных механизмов, а также выстраивания стройных законодательных моделей, обеспечивающих более эффективное функционирование института процессуальных действий (соглашений) в гражданском и арбитражном процессе.

В основу данной монографии положена кандидатская диссертация, написанная под научным руководством доктора юридических наук, профессора Дмитрия Борисовича Абушенко. Выражаю огромную признательность и благодарность своему научному руководителю за неоценимый вклад в настоящую работу, а также благодарю коллектив кафедры гражданского процесса УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева за ценные советы и помощь в написании работы.

Защита диссертации состоялась при участии научных оппонентов, выступающих рецензентами настоящей монографии: Ольги Николаевны Шеменевой — доктора юридических наук, доцента, профессора кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета; Анастасии Алексеевны Карповой — кандидата юридических наук. Благодарю уважаемых рецензентов за ценные замечания и проявленный интерес к моему исследованию.

ГЛАВА 1. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СДЕЛКИ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1. Гражданско-правовые сделки¹

Настоящий параграф затрагивает наиболее устоявшиеся положения отечественной теории сделок, которые в той или иной мере нашли закрепление в действующем российском законодательстве. Ключевые позиции, изложенные в параграфе, не выступают объектом критического анализа, а служат содержательной и концептуальной основой для последующего исследования вопросов допустимости применения основ теории сделок к процессуальным действиям и соглашениям.

1.1. Понятие и признаки сделок.

Воля и волеизъявление в сделках

Проблема сделки, по выражению О.А. Красавчикова, является одной из центральных в науке гражданского права². Повышенное внимание к анализу правовой природы сделок, их признаков, отличительных особенностей обусловлено той ролью, которую играют гражданско-правовые сделки в динамике материальных правоотношений. Как известно, сделки выступают самыми распространенными основаниями возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей³. В системе юридических фактов сделки являются разновидностью юридических действий — волевого поведения людей⁴.

Традиционное представление о сделке, которое нашло отражение в действующем законе (ст. 153 ГК РФ), сводится к определению сделки как действия, направленного на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Иначе говоря, сделка — это

---

¹ В рамках настоящего исследования понятия «гражданско-правовая сделка», «юридическая сделка», «сделка» используются синонимично.

² См.: *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 116.

³ См.: Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. С. 569 (автор комментария — *П.А. Крашенинников* в соавт. с *Б.М. Гонгалю*).

⁴ См.: *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. С. 342.

волевое и направленное действие. В этом смысле сделку как юридический факт следует отличать от событий, возникновение которых не зависит от воли и сознания лица¹, и юридических поступков как действий, влекущих юридические последствия, независимо от того, были ли направлены эти действия на порождаемые ими последствия².

Можно сказать, что такое понимание сделки является устоявшимся в современной науке гражданского права³. Восходит оно к учению о юридических сделках немецкого автора Ф.К. Савиньи. Анализируя признаки юридических фактов как событий, которые вызывают возникновение или прекращение правоотношений, ученый писал, что юридическая сделка выступает способом выражения свободных действий – волеизъявлений (односторонних и совпадающих)⁴. Под волеизъявлениями или юридическими сделками Савиньи понимал «такие юридические факты, которые являются не просто свободными действиями, но такими действиями, в которых воля действующего лица нацелена непосредственно на возникновение или прекращение какого-либо правоотношения»⁵.

В общих чертах это определение юридической сделки было воспринято российской наукой гражданского права. Так, Е.В. Васьковский писал, что сделками называются «дозволенные юридические действия, которые специально направлены на произведение какого-либо юридического последствия»⁶. По определению В.И. Синайского: «Юридическая сделка — это частное, дозволенное волеизъявление, направленное в пределах правопорядка на юридические последствия: возникновение, изменение, прекращение юридических отношений»⁷. Д.И. Мейер указывал, что сделка представляет собой «всякое юридическое действие, направленное к изменению существующих юридичес-

¹ См.: Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Т. 2 / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: ИКД Зерцало-М, 2002. С. 423–424 (автор главы – В.Б. Исаков).

² См.: Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 114.

³ Обзор взглядов относительно доктринального понимания сделки см.: Белов В.А. Учение о сделке в российской доктрине гражданского права (литературный обзор) // Сделки: проблемы теории и практики: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2008. С. 5–118.

⁴ См.: Савиньи Ф.К. Система современного римского права: сб. науч. тр. М.: Статут, 2017. Т. 2. С. 213–214.

⁵ Там же. С. 266.

⁶ Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып. I: Введение и общая часть. СПб., 1894. С. 112.

⁷ Синайский В.И. Русское гражданское право. Вып. I: Общая часть. Вещное право. Авторское право. Киев, 1917. С. 82.

ких отношений»¹. Существенными условиями сделки автор считал, во-первых, ее *направленность* на правовые последствия: юридическое действие должно быть «направлено к изменению существующих юридических отношений, предпринято с целью произвести это изменение; а действие, не направленное к тому, не подходит под понятие сделки»; и, во-вторых, *результативность*: юридическое действие должно производить «изменение в существующих юридических отношениях: изменение может состоять в установлении какого-либо права, прежде не существовавшего, или в переходе права от одного лица к другому, или в прекращении права»². Помимо сочетания направленности и результативности сделки, ученый в качестве базового признака последней выделял *правомерность*: «Собственно, только законные сделки можно назвать сделками, ибо сделки незаконные не считаются действительными, следовательно и существующими»³.

Необходимо отметить, что признак правомерности и связанный с ним признак результативности не нашли отражения в отечественном легальном определении сделки⁴. В связи с этим в российской цивилистике длительное время ведется дискуссия о том, являются ли указанные признаки конституирующими для гражданско-правовой сделки.

Одни ученые (Д.М. Генкин, Н.В. Рабинович, В.П. Шахматов) стоят на позиции строгого разделения между сделкой как таковой и ее правовыми последствиями. «Правомерность или неправомерность, — указывал Д.М. Генкин, — не является необходимым элементом сделки, а определяет лишь те или другие последствия сделки»⁵. По мнению Н.В. Рабинович и В.П. Шахматова, правомерность является отличительным признаком действительной сделки, а само понятие «сделка» характеризуется только направленностью на правовые последствия⁶. Такую точку зрения поддерживают и некоторые современные авторы.

---

¹ Мейер Д.И. Русское гражданское право: курс лекций. М.: Статут, 2021. С. 210.

² Там же.

³ Там же. С. 212.

⁴ Понятие сделки как действия, направленного на возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений было впервые закреплено в законодательстве РСФСР в ст. 26 ГК РСФСР 1922 г., затем в неизменном виде перешло в ГК РСФСР 1964 г. (ст. 41) и действующий ГК РФ (ст. 153).

⁵ Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Ученые записки ВИЮН. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. Вып. 5. С. 50.

⁶ См.: Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. С. 12–13; Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск, 1967. С. 87.

Например, И.Ю. Павлова, анализируя ст. 153 ГК РФ, указывает, что «гражданский закон пользуется термином “сделка” для обозначения любого действия, направленного на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, независимо от того, производит ли это действие указанный эффект или нет. В противном случае закон говорил бы не о направленном действии, а о действии, непосредственно порождающем установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений. Свойством непосредственно порождать те правовые последствия, на которые направлена сделка, обладает только действительная сделка»¹.

Другая точка зрения, согласно которой сделка есть действие правомерное и результативное, поддерживается большинством авторов². Так, по мнению М.М. Агаркова: «...сделками называются правомерные юридические действия, совершаемые одним или несколькими лицами, выступающими в качестве субъектов имущественных (гражданских) прав, и устанавливающие, изменяющие гражданские правоотношения, на установление, изменение или прекращение которых они направлены»³. Схожую точку зрения высказывал И.С. Перетерский: «Сделка есть действие, дозволенное законом. Действия, хотя бы и вызывающие юридические последствия, но не пользующиеся охраной закона <...> не являются сделками. Равным образом, если действие имеет вид сделки, но направлено против закона или в обход закона, то оно не является сделкой»⁴. Ю.К. Толстой также указывал, что «термин “сделка” должен быть сохранен только для правомерных действий, вызывающих тот правовой эффект, на достижение которого они направлены»⁵.

В системе юридических фактов сделки являются разновидностью индивидуальных актов, то есть правомерных действий, с которыми нор-

¹ Павлова И.Ю. Недействительность сделок в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 13.

² См., напр.: Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8: Учебники и учебные пособия. М.: Статут, 2010. С. 459; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2011. С. 191 (автор главы — М.И. Брагинский); Гонгало Б.М. Указ. соч. С. 289; Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2019. С. 388–392 (автор раздела — В.С. Ем); Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 118–121.

³ Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. М.: Статут, 2012. С. 229.

⁴ Перетерский И.С. Сделки, договоры. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. С. 6.

⁵ Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955. С. 46.

мы права связывают юридические последствия в силу волевой направленности этих действий на возникающие последствия. В этом смысле сделки отличаются от неправомерных действий (правонарушений) — волевого поведения, которое не соответствует правовым предписаниям¹. Допустить, что признаки сделки ограничиваются только направленностью воли — значит признать, что позитивный правовой результат (возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей) способен породить в том числе неправомерное действие. Критикуя подобный взгляд, В.А. Белов отмечает, что действия, направленные на достижение юридических последствий, которые по какой-либо причине отвергаются законом, признаются незаконными (неправомерными) и, следовательно, не являются сделками². «Поэтому сделкой следует признать такое правомерное действие, которое не просто направлено на достижение гражданско-правовых последствий, но которое неизбежно порождает эти последствия», — резюмирует автор³.

Действительно, трудно согласиться с тем, что отсутствие в легальном определении сделки (ст. 153 ГК РФ) прямого закрепления признаков правомерности и результативности дезавуирует их конститутивное значение⁴. Напротив, самого упоминания волевой направленности на позитивный правовой результат (возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей) достаточно, чтобы сделать вывод о том, что речь идет именно о правомерном действии. Согласимся здесь с рассуждениями О.А. Красавчикова: «Говоря о том, что правомерность или неправомерность не являются необходимым элементом сделки, мы этим самым снимаем вопрос о направленности данного юридического акта, и потому сделку следовало бы определять просто как юридическое действие безотносительно к его направленности. Но такое утверждение означало бы отождествление сделки и деликта»⁵.

---

¹ См.: *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права. С. 344.

² См.: *Белов В.А.* Сделки и недействительные сделки: проблемы понятий и их соотношения // Законодательство. 2006. № 10. С. 23–25.

³ *Белов В.А.* Гражданское право: в 2 т. Т. 1: Общая часть: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. С. 343.

⁴ См., напр.: *Павлова И.Ю.* Указ. соч. С. 13, 19–20; определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 576-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рябовой Веры Сергеевны на нарушение ее конституционных прав статьей 153, положением пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации и положениями части шестой статьи 152 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

⁵ *Красавчиков О.А.* Указ. соч. С. 120–121.

Таким образом, необходимо признать, что сделка как юридический факт является не только волевым и направленным, но и правомерным, результативным действием.

Сущность сделки как действия составляют два элемента: внутренний (или субъективный) — воля и внешний (или объективный) элемент — волеизъявление. Раскрывая указанные понятия, Ф.К. Савиньи писал, что под волей следует понимать «...единственно важное и действительное, внутреннее, невидимое событие, которое выражается в виде некоего знака, по которому другие могут распознать ее, последним и выступает внешнее выражение воли — изъявление. Совпадение же воли с изъявлением не является чем-то случайным, а представляет собой естественное отношение»¹. Сделка порождает правовой эффект, на который направлена, если воля и волеизъявление образуют единство². Совпадение субъективного и объективного элементов сделки — воли как содержания и волеизъявления как формы сделки, их общей направленности на единый правовой результат — является необходимым условием действительности сделки. Когда между этими элементами в сделке есть несоответствие, то возникает дилемма: чему следует придавать первостепенное значение — воле или волеизъявлению?

По данной проблеме в зарубежной и отечественной доктрине сложилось несколько теорий: теория воли (*Willentheorie*); теория волеизъявления (*Erklärungstheorie*); теория доверия (*Vertauenstheorie*)³.

Стронники первой теории (Е.В. Васьковский, И.А. Покровский, Н.В. Рабинович, Ф.К. Савиньи, В.П. Шахматов)⁴ придают решающее значение воле стороны в сделке, то есть тому, чего действительно хотелось достичь лицо, совершая сделку. Все, что противоречит, не совпадает

¹ Савиньи Ф.К. Указ. соч. С. 355.

² См., напр.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 172–173 (автор главы — М.И. Брагинский); Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2017. С. 248, 256 (автор параграфов — Ю.Б. Гонгало); Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 115; Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 20–21.

³ См.: Уруков В.Н. Теория воли и волеизъявления в гражданском праве: монография. М.: Юстицинформ, 2019. С. 29.

⁴ См.: Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып. I: Введение и общая часть. С. 112–113; Grimm Д.Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. Пролегомены к общей теории гражданского права. СПб., 1900. Т. I. С. 250; Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2020. С. 130–131, 247; Рабинович Н.В. Указ. соч. С. 7; Шахматов В.П. Основные проблемы теории сделки по советскому гражданскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1951. С. 8–9.

и не покрывается волей — недействительно¹. Так, И.А. Покровский указывал, что между критерием объективности (то, что считается существенным по воззрениям оборота — волеизъявление) и субъективности (то, что важно для конкретного человека — воля) правильным, с точки зрения уважения к человеческой личности, будет являться переход от объективного масштаба к субъективному²: «...только сознательная свободная воля людей может быть поставлена в качестве активного, правотворящего агента. Только в принципе воли можно найти надлежащее выражение идеи частной автономии личности...»³

Другие (И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский)⁴ отдают приоритет не субъективной воле («чего я хотел»), а той, которая нашла свое объективное выражение и восприятие («что я сделал»)⁵. Так, по утверждению И.С. Перетерского, «юридическое значение (или правовые последствия) имеет только действие, поэтому невыраженные во вне мысли лица, находящиеся в несоответствии с его действием (*reservation mentalis*), не имеют юридического значения...»⁶. Теория волеизъявления строится на презумпции соответствия субъективного элемента (воли) ее объективному выражению (изъявлению воли), поэтому сделка может быть признана недействительной в исключительных случаях, когда сторона докажет отсутствие либо порочность воли⁷.

Третий подход, по сути, является компромиссным. Его сторонники (Ю.С. Гамбаров, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, В.А. Рясенцев, Ф.С. Хейфец, Г.Ф. Шершеневич)⁸ выступают за необходимость равного учета субъективного и объективного элементов сделки. «Давая поведению лица юридическую оценку, — писал О.А. Красавчиков, —

---

¹ См.: Уруков В.Н. Указ. соч. С. 43.

² См.: Покровский И.А. Указ. соч. С. 130.

³ Там же. С. 247.

⁴ См., напр.: Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 386 (автор раздела — В.С. Ем); Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 22; Перетерский И.С. Указ. соч. С. 6.

⁵ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 171 (автор главы — М.И. Брагинский).

⁶ Перетерский И.С. Указ. соч. С. 6.

⁷ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч.

⁸ См.: Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. I: Часть общая. СПб., 1911. С. 698—703; Иоффе О.С. Советское гражданское право: курс лекций. Л., 1958. С. 222—223; Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 115; Рясенцев В.А. Советское гражданское право. М., 1975. С. 195; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914—1915 гг.): учебник: в 2 т. Т. I. М.: Статут, 2021. С. 184—185; Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт, 2000. С. 8—9.

следует исходить не только из того, в чем выражено поведение — действие, но и из того, какова связь между действием и тем сознательным волевым процессом, который вызвал (обусловил) данное действие. <...> Две противоположности — воля, не получившая изъяснения вовне, и действие, не обусловленное волей данного лица, вызванное причинами, непреодолимыми для человека, — показывают, что только единство воли и ее изъяснения должны лежать в основе юридической оценки поведения данного лица»¹.

Действительно, если исключать вопрос подлинного содержания воли в сделке, учитывая только ее внешнее выражение, то высока вероятность возложения на лицо обязанностей, которые оно не желало на себя принимать, совершая сделку. Если исходить из приоритета воли, не считаясь с тем, как она выражена, то возникает обратная ситуация — другая сторона сделки находится в нестабильном положении. В этом смысле Ю.П. Егоров, соглашаясь с Ф.С. Хейфецом, отмечает, что, указывая в первую очередь на волеизъявление, закон вместе с тем исходит из безусловного единства волеизъявления и воли, поскольку оба эти элемента в равной мере выступают объективным «мерилом» действительного намерения лица. В тех случаях, когда содержание волеизъявления не соответствует внутренней воле субъекта, закон предоставляет возможность признать такие сделки недействительными².

1.2. Конклюдентные действия и бездействие

Для того чтобы воля лица приобрела юридическое значение и была доступна для восприятия других, необходимо ее внешнее выражение. Воля в сделке может быть выражена (объективирована) разными способами: устно, письменно, совершением конклюдентных действий и молчанием (бездействием). Для целей настоящей работы нет необходимости подробно останавливаться на первых двух способах волеизъявления. Заострим внимание на конклюдентных действиях и бездействии, которые представляют интерес для дальнейшего их рассмотрения в процессуальной плоскости³.

¹ Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 97.

² См.: Егоров Ю.П. Правовой режим сделок как средств индивидуального регулирования. Новосибирск: Наука, 2004. С. 115–116.

³ Проблематика конклюдентных процессуальных действий и бездействия далее в работе будет исследована отдельно (§ 2 гл. 2).

По выражению Д.И. Мейера, изъявление воли может быть непосредственным¹ и посредственным. Отличие между ними состоит в том, что по посредственному изъявлению можно лишь сделать вывод (заклЮчить) о существовании воли, в то время как непосредственное — само свидетельство воли². Посредственное волеизъявление автор относит к так называемым отклонениям от обычного проявления, когда «факт выражается другим фактом как знаком его или эквивалентом»³. Такое волеизъявление, «свидетельствующее о воле на другое действие», Д.И. Мейер вслед за немецкой доктриной называет «скрытым действием» или косвенным изъявлением⁴. Аналогичную позицию высказывал и Г.Ф. Шершеневич: «В отличие от непосредственного выражения воли, косвенным выражением является такое действие, которое не предназначено выражать прямо намерение лица, а только дает возможность судить по ним о намерении лица»⁵. Другие дореволюционные цивилисты придерживались схожего взгляда⁶.

Несколько иного подхода придерживался О.А. Красавчиков. Ученый констатировал, что «под конклюдентными действиями обычно понимают действия лица, в которых воля субъекта находит свое косвенное (опосредованное) выражение»⁷. Однако сам О.А. Красавчиков

---

¹ Раскрывая непосредственное изъявление, Д.И. Мейер писал: «Кроме языка словесного у человека есть другой — язык мимики: известные телесные движения находятся в такой тесной связи с движениями души, что, несомненно, свидетельствует о выражении воли. Так, наклонение головы выражает утверждение, согласие; поперечное движение головы выражает отрицание и т.п. И такие мимические выражения воли также могут иметь юридическое значение. Но и они представляются непосредственными выражениями воли точно так же, как и выражения ее — словесное, изустное или письменное, точно так же, как и выражение воли совершением самого действия, к которому относится выражение воли» (*Мейер Д.И.* Русское гражданское право: курс лекций. С. 200—201).

² См. там же.

³ *Мейер Д.И.* О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях // Мейер Д.И. Избранные труды: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. П.В. Крашенинников, Д.Х. Валеев. М.: Статут, 2022. С. 57, 96—97.

⁴ Подробный анализ позиции Д.И. Мейера в сравнении с немецкой теорией конклюдентных фактов см.: *Дормидонтов Г.Ф.* Юридические фикции и презумпции. I. Классификация явлений юридического быта, относящихся к случаям применения фикций. Казань, 1898. С. 36—55.

⁵ *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права в двух томах. Т. 1: Общая часть. М.: Юрайт, 2023. С. 124.

⁶ См., напр.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. Вып. I: Введение и общая часть. С. 122; *Синайский В.И.* Указ. соч. С. 330.

⁷ *Красавчиков О.А.* Указ. соч. С. 101.